

«ЗАГАДКА 1937 ГОДА» В НОВИНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

А.Н. Фёдоров

«THE RIDDLE OF 1937» IN NOVELTIES OF DOMESTIC PUBLICISM A.N. Fedorov

Статья посвящена обзору недавних публикаций, в которых поднимается вопрос о причинах массовых репрессий 1937—1938 гг. Используя достижения профессиональных историков, современные публицисты детально воспроизвели события второй половины 1930-х годов, развенчивали ряд исторических мифов о той эпохе. Они пришли к выводу, что репрессии стали следствием борьбы разных групп в высшем руководстве СССР, каждая из которых преследовала свои интересы. Метод массовых репрессий, привычный для руководства страны, вышедшей из революции, был использован как для устранения политических противников, так и для усиления контроля над обществом.

Ключевые слова: массовые репрессии, Большой террор, исторический миф, внутрипартийная борьба, высшее руководство.

Article is devoted the review of recent publications in which the question on the reasons of mass reprisals of 1937—1938. Using achievements of professional historians, modern publicists have in details reproduced events of second half of 1930th years, discredited a number of historical myths about that epoch. They have come to a conclusion that reprisals became a consequence of struggle of different groups in the top management of the USSR, each of which pursued the interests. The method of mass reprisals habitual for the country leaders, left revolution, has been used both for elimination of political opponents, and for control strengthening over a society.

Keywords: mass reprisals, the Big terror, historical myth, Internal-party struggle, the high government

Изучение наиболее знаковых, трагических событий русской истории в последние годы переживает своеобразный расцвет. Использование огромного количества ранее недоступных архивных материалов, внимательное рассмотрение множества мелочей, из которых и складывается жизнь, умелое сопоставление самых разнообразных данных и искреннее желание понять родную историю позволили многим историкам отойти от «черных мифов», которыми в 1990-е годы полнилась научная литература, и сделать поразительные «открытия». Поразительны они не сами по себе, а относительно тех распространенных представлений, которые сформированы у большинства людей учебниками, публицистикой и СМИ.

Интересно, что эти представления, опирающиеся на известный набор знаний, являются скорее набором впечатлений об истории, чем ее глубоким пониманием. И наиболее яркие из них были созданы не столько историками-профессионалами, сколько публицистами времен «перестройки» и первой половины 1990-х годов, наиболее знаменитыми из которых считаются Д. Волкогонов и Э. Радзинский. Очень часто они поднимали тему «сталинских репрессий», самим названием заранее определяя свою оценку тех трагически сложных событий. В своих

сочинениях они указывают основной причиной репрессий личность Сталина, его желание единоличной власти и нетерпимость, подчеркивают неоправданность и необоснованность репрессий, играют на эмоциях и чувстве справедливости, называя огромное количество репрессированных и живописуя эпизоды истязания заключенных.

Только к концу 1990-х годов, позиции «впечатляющей» публицистики, на наш взгляд, начинают слабеть. Обстоятельные научные труды о 30-х годах и желание их авторов донести до широкой публики результаты своих исследований, стремление читающей публики разобраться в живой еще истории породили новую публицистику. На первый взгляд она в очередной раз «выбеливает» эпоху, в удовольствие определенных слоев общества, ностальгирующих по советскому прошлому, попросту меняет «минус» на «плюс». Однако ее следует назвать «вдумчивой», поскольку и ее цель, и способы изучения, и весь стиль ее указывают на стремление разобраться в сути дела, а не рисовать новые впечатляющие картинки из истории.

Хорошие образцы подобной публицистики на протяжении последних лет регулярно публикуют московские издательства «Яуз» и «Эксмо», извест-

История

ные своими сериями, посвященными спорным моментам советской истории — «Сталин. Великая эпоха» и «Когда врут учебники истории». В рамках этих проектов вышли в свет примечательные книги: «Правда о 1937 году. Кто развязал «большой террор?» Александра Елисеева¹, «Сталин и НКВД» Леонида Наумова² и «Сталинский 37-й. Лабиринты кровавых заговоров» Константина Романенко³. Уже из названий можно догадаться, что авторы пытаются пересмотреть сложившихся к настоящему времени представления о так называемом «большом терроре» и роли Сталина в нем.

Главное, что их отличает и объединяет, — отказ связывать массовые репрессии 1937—1938 гг. со стремлением Сталина к неограниченной власти, выбор иного масштаба в объяснении их причин. Так, А. Елисеев замечает, что массовые репрессии являются проявлением почти всякой революции, логически вытекают из необходимости подавить широкое недовольство, возникающее в обществе, переживающем резкий поворот в своем развитии. Stalin же на проверку оказывается значимой фигурой не революции, а ее завершающего этапа — «термидора», поскольку он «существил ряд мер, направленных против нигилизма, порожденного революцией». Он не был инициатором этого поворота и опирался на самые разные социально-политические силы. Но в 1930-е годы в партийном руководстве обозначились группы, по-разному видевшие дальнейшее развитие СССР, и борьба между ними возродила привычный для них, рожденных революцией, метод решения проблем — массовый террор⁴. Определению состава этих группировок и сути противоречий между ними и посвящена книга А. Елисеева.

К. Романенко просто предлагает «разобраться в событиях довоенного времени» и начинает их изложение с 1924 года, обстоятельно рассматривая процессы выработки программы социально-экономического и перестройки общества, пережившего революцию, на новый, созидающий лад. Основное внимание он уделяет борьбе группировок в высшем партийном руководстве, на протяжении 1920-х и первой половины 1930-х годов, в которой Stalin не был бесспорно определяющей фигурой, и именно в этом сюжете усматривает главный нерв политической жизни той эпохи.

В своей на первый взгляд выбывающей из названного ряда книге Л. Наумов исходит из посылки, что «о сути происходящего мы часто судим по результатам, что не всегда правильно». Он предлагает не оценивать действия отдельных влиятельных лиц, а описать механизм репрессий 1937—1938 гг., которые «обладают ясно выраженной спецификой и не имеют аналогов». Понимая сложность этой задачи, он сужает ее до изучения деятельности и изменений в составе руководства НКВД — органа, ведавшего репрессиями: «Кто уходил и почему, кто их заменял и почему, какие были группировки и каков их социально-политический портрет...»⁵.

Стиль названных авторов, по определению, не является научным. Они не вводят в научный оборот

новые архивные материалы, не всегда ведут изложение материала строго по хронологии или по проблемам, почти не дают отсылок на источники и литературу, позволяют себе прямое обращение к читателю и всплески чувств. Пожалуй, только Л. Наумов «грешит» научностью, проводя правильную критику источников, обозревая различные точки зрения по поднятым проблемам, широко используя статистические выкладки, обязательно ссылаясь на использованную литературу и фонды центральных архивов. Несмотря на это сочинения Елисеева, Наумова и Романенко не являются плодом чистого воображения, а представляют собой несомненную научную ценность. Внушительная библиография, которой может похвастать каждый из них, позволяет им буквально «откапывать» малоизвестные не только читающей публике, но и профессионалам факты, и более того — устанавливать важные и порой весьма неожиданные связи между известными событиями. Например, А. Елисеев указывает, что К.Б. Радек, несмотря на свое участие в оппозиции, в 30-е годы был одним из доверенных лиц Сталина и последовательно проводил сталинский курс на сближение с национал-социалистической Германией в 1934—1937 годы. У этого курса были немалые перспективы, поскольку ряд высокопоставленных руководителей НСДАП тяготели к социализму. Поэтому Карл Радек был «зачищен» не Сталиным, а противниками сближения с Германией, которых было предостаточно в высшем эшелоне власти СССР⁶.

Характерно, что список литературы рецензируемых книг включает труды самых разнообразных по своим взглядам историков и публицистов: и ярых сталинистов, и тенденциозных антисталинистов, и тех, кто стремится к всестороннему и глубокому рассмотрению темы. Последнее вызвано не только стремлением сопоставить разные точки зрения по проблеме, но и точно воссоздать картину того времени, полнее представить причины и ход политических репрессий. Все это превращает труды Елисеева, Наумова и Романенко в настоящую энциклопедию политической жизни СССР 1930-х годов, способную обогатить кругозор и простого читателя, интересующегося родной историей, и дипломированного историка. Причем, представленная картина сильно отличается от той, к которой мы привыкли. Почти на каждой странице можно встретить опровержение расхожего мнения по множеству частных сюжетов, развенчание «маленьких мифов», которые являются кирпичиками, а то и фундаментом для мифов больших. Так, К. Романенко, опровергая миф о тотальной зачистке командного состава РККА в 1937—1938 гг., показывает как 40 тысяч уволенных по разным причинам за это время офицеров (12 461 из них был затем восстановлен в должности) с легкой руки ряда публицистов и «историков» превратились в 40 тысяч репрессированных, т. е., учитывая известную кровожадность Сталина, в «40 тысяч расстрелянных полководцев». Хотя уже в конце 1980-х было достоверно известно, что за контрреволюционные преступ-

ления тогда осудили 3572 военнослужащих, из которых 210 было расстреляно⁷.

Интересными представляются выводы представителей «вдумчивой» публицистики по теме причин репрессий 1937—1938 годов. Наиболее точно свои изыскания сумел изложить А. Елисеев. Он обозначил следующие тезисы: нельзя считать Сталина инициатором массовых политических репрессий тех лет; «большой террор» стал результатом внутрипартийной борьбы между различными политическими группами, каждая из которых настаивала на физическом истреблении противников; Сталин до последнего противился террору, пытаясь сдержать его размах и минимизировать потери; 1937 год ударил в первую очередь не по народу, а по партийной верхушке и новой советской аристократии. По мнению А. Елисеева, в 1930-е годы существовали минимум четыре партийные группы, по-разному видевшие судьбы политического развития СССР: левые консерваторы, национал-большевики, социал-демократы, левые милитаристы. За каждой из группировок стоял свой социально-политический проект, каждая опиралась на определенный социальный слой, который видела главенствующим.

Левые консерваторы состояли из регионалов (С. Косиор, В. Чубарь, Р. Эйхе и др.) и технократов (С. Орджоникидзе, Г.Л. Пятаков), стремившихся упрочить власть в регионах и укрепить свои ведомственные позиции. Они выступали как против внутриполитических преобразований, угрожавших их политической стабильности, так и против активной внешней политики, которая бы обернулась очередным витком централизации власти и утратой ими практически неограниченных полномочий. Левые консерваторы опирались на партийный аппарат.

Национал-большевики, представленные немногочисленными, но спаянными сторонниками Сталина, выступали за реальную демократизацию общества в преддверии мировой войны, за свободные и альтернативные выборы, за приоритет государственной власти над партийной. В международных отношениях они стремилась лавировать между демократическими странами и гитлеровской Германией, не подчиняясь Западу, но и не провоцируя его на конфликт. Для них характерен отход от идеологем марксизма и возведение идеи построения мощного национального государства в разряд главной. Своей опорой они считали государственный аппарат.

Социал-демократы, возглавляемые Бухариным, Рыковым, Томским, стремились «вернуть марксизм к его гуманистическим основам» и отказаться от национальной политики сталинцев, что позволило бы создать широкое международное антинацистское движение. Это группа, по сведениям А. Елисеева имела поддержку среди некоторых руководителей НКВД (Г. Ягода) и интеллигенции (М.А. Горький, В.И. Вернадский). Левые милитаристы, представленные группой М. Тухачевского, выступали за развязывание масштабной, революционной по своему характеру войны, и подчинению всей общественной жизни и государственных интересов этой задаче.

Помимо этого, А. Елисеев отмечает следующие факторы политической жизни второй половины 1930-х годов: мощное влияние Троцкого из-за границы на умонастроения ведущих политиков; превращение НКВД в самостоятельную силу, преследующую свои интересы; противостояние «англоманов» и «франкоманов» против «германофилов»; сложная система личных связей на высшем уровне. На этом пестром фоне происходили многочисленные перестановки сил, вспыхивали конфликты и быстро перестраивались союзы и блоки. Многие историки, по мнению автора, заворожены мнимым всемогуществом Сталина. Однако он далеко не всегда мог руководить политическими процессами, оставался заложником своего ближайшего окружения, нередко занимавшего иную позицию, и часто шел на уступки, но при первой возможности мастерски использовал противоречия между «сподвижниками» в своих целях.

К 1937—1938 годам внутрипартийная борьба достигла своего пика, форма, в которую она вылилась — террор, — была вызвана тем, что для лидеров революции наиболее приемлемым методом решения всех проблем оставались репрессии. Инициаторами же репрессий выступили, прежде всего, регионалы, оказавшиеся перед угрозой лишения своих постов или урезания своих властных полномочий.

К. Романенко в отличие от своего коллеги из числа профессиональных историков не дает в своей книге столь развернутых выводов, не определяет точный состав и политические проекты враждующих групп в высшем руководстве. Его наблюдения растворены в массе фактического материала, которым он зачастую перегружает читателя, его больше интересует выведение определенной «морали». Зато итоги доскональной работы Л. Наумова удивляют своей глубиной: он не только рассмотрел изменения в руководстве НКВД, но и определил его не простые отношения с различными группами в высшем партийном и государственном руководстве, проследил превращение органов безопасности в самодостаточного и неуправляемого игрока внутриполитической жизни конца 1930-х годов.

Прежде всего, Л. Наумов признает, что реальная власть Сталина была меньшей, чем кажется, и он «во многом зависел от расстановки сил в верхах, и сам был во власти страха перед потенциальными и реальными заговорами» (383). Но именно Сталин, по мнению исследователя, начал цепочку событий, приведших к массовым репрессиям, когда в 1936 году устранил остатки «левых» и «правых», которые хотя и скрыто, но продолжали действовать. Эти действия против старых революционеров и героев Гражданской войны вызвали скрытое сопротивление в верхах и средних слоях партии, в том числе и среди соратников самого Сталина (А. Енукидзе, С. Орджоникидзе). Тогда возникла мысль об изменении состава ЦК при помощи новых процессов, хотя первоначально речь шла только устранение «ненадежных». В результате в первой половине 1937 года во внутренней политике советского руковод-

ства произошел переворот — переход к репрессиям как инструменту борьбы внутри правящего слоя, переворот, закрепленный февральско-мартовским пленумом ЦК ВКП(б). Новый курс потребовал изменений и в руководстве НКВД, что стало возможным благодаря групповому, «клановому» противостоянию в этом органе. Чекистские кланы были однотипными по социальному и национальному составу, образовательному уровню, политическому прошлому и различались лишь по предшествующей службе, свойству.

С замены руководства НКВД начинается «большая чистка», которая уже весной 1937 года охватила высший командный состав РККА, замещанный в «заговоре Тухачевского». Эти события толкнули Сталина «к неадекватным решениям о качественном изменении состава ЦК», к быстрой и решительной ротации высшего руководства. Подобное решение привело к обострению широкомасштабного группового конфликта, зревшего, по мнению Л. Наумова, «с самого 1917 года»⁸. В этих условиях правящая группировка отказывается от политики «примирения», основой которой была Конституция 1936 года и предстоящие выборы в Советы, и переходит к массовым операциям как инструменту управления страной. Определяющую роль в таком повороте сыграло региональное руководство, потерявшее в условиях обострения политической борьбы уверенность в своих силах.

ЦК ВКП(б) практически не контролировал деятельность спецслужб, которые, выполняя первоначальное задание центра по смене руководства высшего и среднего звена, сами стали ставить перед собой новые задачи. Так, были проведены национальные операции, а затем «кулацкая операция», явившаяся, по мнению автора, стихийной реакцией регионального руководства на угрозы, которые возникали в связи с реализацией новой Конституции и могли исходить от тех социальных групп общества, которые не могли до конца принять социалистических преобразований.

Стоит отметить, что авторы рассмотренных выше книг не претендуют на исчерпывающее освещение причин и механизма репрессий, ссылаясь на недостаток источников, наличие множества неясных еще сюжетов. Они не охватывают таких важных аспектов проблемы, как психологическая расположженность к репрессиям не только руководства, но и общества в целом, или незаконный характер деятельности органов безопасности.

Тем не менее, мы получаем от них интересную разгадку 1937 года, этого символа массовых репрес-

ций. Он стал закономерным и практически неизбежным итогом внутриполитического развития советского государства и общества, которые возникли на волне революции и осознанно пытались преодолеть ее тяжелейшие последствия. Создание новой государственности и социально-экономической модели проходило в режиме постоянного противоборства разных групп в высшем руководстве страны, отражавших интересы различных социальных слоев, кланов, и ведомств. Настойчивые попытки сталинской группы упрочить свои позиции и реализовать проект «примирения» власти с обществом, натерпевшимся в конце 20-х — начале 30-х годов, нарушили это хрупкое равновесие, вызвали скрытое, но ощущимое сопротивление других групп, прежде всего регионального и ведомственного руководства. В этих условиях центр, сам оказавшийся под угрозой смещения, фактически утратил контроль над деятельностью органов безопасности, которые стали проводить уже свою политику, направленную на расширение репрессий. И только существенная перестановка сил внутри сталинской группировки и в целом в верхах позволила к лету 1938 года выправить положение в стране и остановить вал массовых репрессий.

Преставшая перед нами картина событий трагической эпохи не просто правдоподобна. Она подтверждается большим количеством достоверных фактов, имеет аналоги в истории русской и мировой. Чувствуется, что исследователями здесь двигало именно желание понять родную историю, и им это вполне удалось. Поэтому можно смело говорить о появлении столь необходимой нашему обществу «вдумчивой» публицистики.

Примечания

1. Елисеев, А.В. Правда о 1937 году. Кто развязал «большой террор»? / А.В. Елисеев. — М. : Яузा; Эксмо, 2008. — 352 с.
2. Наумов, Л.А. Сталин и НКВД / Л.А. Наумов. — М. : Яузा; Эксмо, 2007. — 544 с.
3. Романенко, К.К. Сталинский 37-й. Лабиринты кровавых заговоров / К.К. Романенко. — М. : Яузा; Эксмо, 2007. — 832 с.
4. Елисеев А.В. Правда о 1937 году. Кто развязал «большой террор»? / А.В. Елисеев. — М. : Яузा; Эксмо, 2008. — С. 8, 60—61.
5. Наумов, Л.А. Сталин и НКВД / Л.А. Наумов. — М. : Яузा; Эксмо, 2007. — С. 16.
6. Елисеев, А.В. Правда о 1937 году. Кто развязал «большой террор»? / А.В. Елисеев. — М. : Яузা; Эксмо, 2008. — С. 262—274.
7. Романенко, К.К. Сталинский 37-й. Лабиринты кровавых заговоров / К.К. Романенко. — М. : Яузा, Эксмо, 2007. — С. 699.
8. Наумов, Л.А. Сталин и НКВД / Л.А. Наумов. — М. : Яузा; Эксмо, 2007. — С. 387.

Поступила в редакцию 06 января 2009 г.

Фёдоров Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета.

Fedorov Alexey Nikolaevich, the candidate of historical sciences, the senior lecturer of chair of history of Russia of the South Ural state university .